

К О Л Л Е К Ц И Я Ф А Н Т А С Т И К И

«СЕРЫЙ»

ЦИКЛ

Александр Конторович

РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

ЛОРД В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

КАРДИНАЛ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

— ОРУЖЕНОСЕЦ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ —

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К65

Серия «Коллекция фантастики»

Дизайн серии *Натальи Байдаковой*

Иллюстрация на обложке
Андрея Клепакова

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Конторович, Александр Сергеевич

К65 «Серый» цикл: Рыцарь в серой шинели. Лорд в серой шинели. Кардинал в серой шинели. Оруженосец в серой шинели : сборник / Александр Конторович. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2026. — 848 с. — (Коллекция фантастики).

ISBN 978-5-17-169904-8

Я пришелец в этом мире, полном магии и всевозможных чудес. Тут, по нашим меркам, средневековье, но люди — они такие же, с их слабостями и желаниями. Да, моя жизнь ограничена возможностью использования силы имеющегося у меня Рунного клинка, который понемногу ее и выпивает. Но нельзя остановиться и опустить руки. Моя любовь и мой ребенок не выживут без моей помощи.

Я — здесь. Это моя позиция, с которой уже никуда нельзя уйти. И снова, как когда-то в Афгане, стою, ожидая, когда противник подойдет ближе. Только на этот раз нет со мною рядом боевых товарищей. Не вывернется из-за поворота бронетранспортер и не накроет врагов свинцовой метелью крупного калибра. Это — только мой бой. И я не имею права его проиграть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-169904-8

© Александр Конторович, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

1

РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ

Глава 1

Кап... Кап... Кап...

Монотонный звук капли убаюкивал. Поспать... да, это было бы сейчас весьма кстати. Болела голова, и в затылке стреляло, будто десяток маленьких гномиков лупил по нему молоточками. Спать хочу...

Завалиться бы сейчас на боковую и открыть глаза в своем кабинете.

Черт! Это было бы весьма неплохо. Только я уже пробовал.

Ничего из этого не вышло. Открыл глаза я все в том же подвале. Все осталось по-прежнему. Та же монотонная капель, те же сырые своды. Всё было до отвращения реально и ощутимо. Стены можно было потрогать рукой, воду можно было набрать в ладони и попить. Можно было умыть небритую морду. Или смочить здоровенную шишку на затылке. Именно это я и собирался сейчас сделать.

Капли воды собирались мною в глиняную миску. Обычно в нее кладут черпак еды. Она тут бывает разная. Утром приносят кашу. В обед наливают какую-то похлебку. Вечером дают овощи и немного каши. Пить я могу сколько угодно — вода капает в углу.

Вообще-то на еду грех жаловаться. В нашей родной КПЗ это считалось бы немыслимым деликатесом. Только мне этот деликатес сейчас не лезет в горло. Ем я чисто автоматически, так же и пью. Мою миску и сижу на единственной лавке. Тут еще не додумались поднимать кровати на день, и сидеть или спать я могу сколько душе угодно.

Другой вопрос, что делать это я могу только до суда. А после него... сон-то будет. Только есть большая вероятность того, что будет он вечным...

А что ж вы хотите-то? Я обвиняюсь в убийстве с целью грабежа.

Правда, мне до сих пор неясно, кого и когда я убил...

Впрочем, может быть, есть смысл рассказать всё с самого начала?

Этот день ничем не отличался от обычного рабочего дня. Разве только тем, что мне пришлось заступить на дежурство по управлению. Получив в оружейке свой АПС и подсумки с четырьмя обоймами к нему, я поднялся в класс, где уже сидели мои собратья по несчастью. Поздоровавшись с Виталькой Романовым, жизнерадостным опером из уголовного розыска, я уселся поближе к окну.

Моросило, осень уже вступила в свои права, и погода стремительно портилась.

— И не заколебался ты эту дуру таскать? — кивнул на мой пистолет Виталий. — С кем воевать-то собрался? Ты ж эксперт, работа кабинетная, вообще тяжелее карандаша ничего поднимать не должен!

— Хм-м-м... мысль, конечно, интересная... может быть, ты возьмешь на себя труд донести ее до сведения моего руководства на Петровке?

— На хрена еще?

— Да, видишь ли... У них там возникла идея направить меня в командировку...

— Тем паче! Еще и там железо таскать!

— В Чечню...

Виталий перестал балагурить и насутился. Только в прошлом квартале мы похоронили двух парней из его службы. Ребята тоже поехали в командировку. И тоже в Чечню. Что там стряслось, никто толком не знал. Но одного из них нашли с пустым «макаром» в руках: парень отстреливался до последнего патрона.

Мне совершенно не улыбалась подобная перспектива, и поэтому, прихватив пол-литра казенного спирта, я наведалься к нашему оружейнику. Услышав мою просьбу, он повертел у виска пальцем.

— Сдурел? За каким рожном тебе этот карманный пулемет? В нем же весу почти полтора кило? Да и не подпишет генерал такой рапорт.

— А ты наемни ему, что мне скоро бронежилеты испытывать... Ведь скоро же?

— Через полгода... да и то, будут ли они вообще? Уже год обещают, да все никак не сошьют.

— Ну, а не будем испытывать, я тебе его через полгода и верну. Михалыч задумчиво посмотрел на банку со спиртом.

— А у вас нет такой же? Но... синего цвета?

— Намек понял!

Еще пол-литра казенного добра перекочевало в его кабинет. И через неделю он уже выдавал мне тяжелую коробку с пистолетом.

— Кобура, подсумки... так, еще что-то было...

— Да с меня и этого хватит!

— Ремень! Вот, держи. Положено выдать — будь любезен расписаться! Патроны получи.

Когда я первый раз появился на разводе с этой пушкой, зам по борьбе с личным составом поперхнулся на полуслове. Минуты три

он меня разглядывал, как редкую картину, а после осведомился: куда это я собрался?

— На дежурство по управлению, товарищ подполковник! Куда ж еще?

— Э-э-э... я помню, у вас в кабинете еще и арбалет висел на стене... Что ж тогда и его не захватить?

— Не табельный... — развел я руками. — Не положено...

Ребята прыснули. Зам побагровел. Это было его любимым выражением. Послушать подполковника, так нам было «не положено» очень много чего...

Да, кстати! Я же представиться забыл! Склероз...

Александр Николаевич Ершов, капитан милиции. Эксперт-криминалист. Специализация — экспертиза взрывоопасных устройств. До кучи занимаюсь и огнестрельным оружием, дактилоскопией и много еще чем. Тридцать лет, не женат по вредности характера и неуживчивости. Свободного времени благодаря этому хватало. Вот я и занимался «всякими безобразиями» (с точки зрения руководства). Реконструкцией, историческим фехтованием. Даже закончил первым выпуском школу каскадеров Сальникова. Правда, дальше съемки в нескольких эпизодах дело не пошло. Надо полагать — мордой не вышел. Зато с гордостью демонстрировал знакомым девушкам киноафишу. В графе «Исполнители трюков» мелким шрифтом была напечатана моя фамилия. Некоторых впечатляло... В их глазах трюкач был куда интереснее мента-криминалиста.

— ...Следует обратить особое внимание!

Черт! Опять задремал. Хорошо, что сегодня нас наставляет начштаба, он мужик незлобивый и не придиричивый.

— Вопросы есть? Нет? Все свободны.

Дружной гурьбой мы вывалились в коридор и расползлись по кабинетам. Романов сразу же зашел ко мне.

— Чаем угостишь? Он у тебя знатный!

Это был мой конек! Все управление знало — самый лучший чай у Ершова! Заходили «на чаек» даже коллеги с Петровки, когда им случалось бывать в наших краях. Свою репутацию я поддерживал неукоснительно, добывая новые рецепты и смеси по всем знакомым. Кстати говоря, некоторые вопросы первоочередного материального снабжения также решались этим путем. Зам начальника ХОЗУ тоже был любителем чая...

— Чего там Петрович распинаялся?

— А! Все как всегда! Очередная угроза терактов... повышенная криминогенная обстановка... Будто сам не знаешь?

Я знал. Бардак творился неопиcуемый. Бандюки, нимало не стесняясь нашего существования, решали свои вопросы привычными путями. То есть стреляли, резали и взрывали друг друга. Начавшаяся война в Чечне добавила в этот бордель еще и террористов. Правда, у нас их пока еще не видели, но... Такими темпами пойдет — через год из окон отстреливаться начнем.

До обеда ничего интересного не происходило. Смотались на одну квартирную кражу. Обычная бытовуха. Неведомые злодеи забрались в окно пятиэтажки и выпотрошили квартиру. Сперев последние деньги хозяев из надежнейшего хранилища — шкафа с бельем, они довели до истерики хозяйку. Выслушивая, как Виталик дежурно соболезнует хозяевам, я быстро осмотрел квартиру. Ничего интересного. Разве что...

— Виталий! Подь сюды!

— Чего тебе, наука? — он, похоже, был рад, что я оторвал его от надоевших уверений в скорой поимке жуликов.

— Спроси у хозяев — их сумка у окна лежит?

— А как же! Наша! — разлетелся к окну хозяин квартиры, податого вида мужичок. — Ой, нет! Не наша! Ошибся я, правда, Маш?

Столь быстрая метаморфоза произошла с ним по причине того, что я вытащил из сумки немаленьких размеров тесак. Вслед за ним свет божий увидели нехитрые воровские причиндалы. Набор отмычек, складной ломик-фомка и еще кое-что по мелочи.

— Нет-нет! Это, наверное, воры забыли! Руки-то у них были заняты, краденое выносили!

На мой взгляд, занимать тут руки было абсолютно нечем. Всё, представляющее какую-либо ценность, давно было реализовано владельцами квартиры.

— Вещдок! — гордо произнес Романов. — Попрошу понятых...

Выйдя во двор, я спросил у него: успеем ли мы где-нибудь по дороге пожрать? А то неровен час так и будем до утра голодными скакать.

— Ну, сейчас попробуем...

Подбежав к пожилому следователю, возглавлявшему нашу группу, он о чем-то с ним переговорил и быстро вернулся назад.

— Порядок! Сейчас все вместе смотаемся.

Пока наш «пазик» неторопливо пробирался по улицам, я рассматривал вещдоки. Ничего особо ценного они собой не представляли. Такого добра у меня в подвале скопилось уже не один килограмм. Разве что тесак... Обозвав его тесаком, я, пожалуй, погорячился. При более внимательном рассмотрении мне стало ясно, что лет этому «тесаку» не менее ста, а то и поболее. Ни на один из известных мне

образцов холодного оружия (а знал я их предостаточно!) он не походил. Скорее всего — самоделка. Уж что касается рукояти — абсолютно точно! Вот клинок... да, это точно не самоляп... Глубоко врезанный в металл сложный узор. Витиеватые строчки неизвестных мне букв... да, тут, пожалуй, что и поболее ста лет.

Автобус затормозил около здания заводоуправления. В их столовой мы обычно и перекусывали. Сытно и относительно недорого. Да и люди там интересные попадались иногда. Некоторые свои познания по части изготовления всяких придамбасов из металла я именно здесь и получил. Как-никак, а завод большую часть своего существования пахал на оборонку. И специалисты тут были очень даже квалифицированные.

Отстояв очередь на раздаче, мы облюбовали себе столик у окна. В силу наших частых сюда визитов записные остряки из розыска уже предлагали привинтить над ним табличку «Столик для дежурной группы».

Обед уже подходил к концу, когда у Виталика захрипела рация. Из-за особенностей данного здания прием в нем был весьма затрудненным. Отчасти из-за этого руководство смотрело косо на визиты сюда сотрудников, находящихся на дежурстве.

Чертыхнувшись, Романов быстро допил компот и выскочил на улицу. Когда мы всей гурьбой высыпали следом за ним, он уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу у «пазика». Увидев нас, он призывно замахал руками.

— Чегой-то приперло его, не иначе как кого-то грохнули... — Наш водитель Миша был суровым реалистом и ничего хорошего от жизни не ожидал. Как правило, его мрачные прогнозы относительно нашей предстоящей деятельности всегда оправдывались.

— Скорее, мужики, где вас черти носят?

— Чего стряслось-то?

— «Седого» рванули! Дежурный туда уже городскую группу вызвал! Надо раньше них успеть, а то... сами понимаете... поставят нас всех в позу пьющего оленя.

Остывший автобус рванулся вперед, гремя своими внутренностями и распугивая сигналом прохожих.

Мы успели почти вовремя, городской группы еще не было, и дежурный по управлению тоже пока не появился. Тут уже суетились ребята из местного отделения. Недалеко от нового, недавно отстроенного офиса накренился набок закопченный «гелендваген». Стекла у него были выбиты, и в салоне виднелись тела людей.

Ко мне подбежал начальник здешних сыщиков капитан Вальцев. Нормальный мужик, с ним можно было говорить начистоту.

— Саня! Я тут уже весь извелся, ожидаючи!

— Куда спешим-то? Этому бандюгану уже давно пора персональное кладбище заводить. И на нем самый почетный участок выделить. Я бы на твоём месте только радовался. Посадить-то вы его все равно не можете, так хоть закопаете получше. Авось не вылезет назад-то?

— Все бы тебе прикалываться! Тут вот какое дело, — оттащил он меня в сторону за рукав. — Пока не приехал никто из его тусовки, нам бы машину осмотреть... Поможешь? Он туда с бумагами какими-то садился, постовой видел. А нам бы эти его писульки очень даже кстати пригодились бы. И проблем с их легализацией не возникло бы никаких. Вещдок, изъятый на месте преступления... Понимаешь?

— Так, а я-то тут причем? Вон, следака тряси, это его компетенция.

— Саня! Это подрыв! Тут тебе карты в руки! Без твоего заключения туда никто и носа не сунет!

— Э-э-э, Вова, не гони! Тут должен дежурный взрывотехник лезть, а не я! Да у меня и снаряжения никакого нет...

— Да чему там взрываться-то?! Все уже жажнуло, вон сам видишь — полон салон мертвяков. Это ж чистая формальность! Пока из города народ подъедет, тут уже будет седовская братва, адвокатов приволокут... Сам, что ли, не знаешь, как в таких случаях бывает? За каждую бумагу война пойдет, они уж найдут к чему прицепиться...

— Ладно, уговорил. Пошли следака трясти.

Через несколько минут я стоял около подорванного джипа. Опера приволокли мой чемодан и даже притащили откуда-то чью-то форменную шинель с капитанскими погонами — площадь продувалась навывлет холодным ветром. И шанс словить тут хорошую простуду был весьма вероятен.

— Так! Вова, очисти площадь!

— Да мы тут рядышком постоим...

— Исчезни с глаз моих долой! Или ждем городскую группу!

— Исчезаю...

Отфотографировав многострадальную машину со всех сторон, я убрал фотоаппарат в распахнутый «кюлленберг», взгромоздив его на капот. Надо мною втихаря потешались коллеги за приверженность к этому старомодному немецкому кримчемодану, но я старался этого не замечать. Нравилась мне его по-немецки кондовая и основательная конструкция, окованные металлическим профилем углы. Да и с точки зрения специалиста, он был вполне

хорош и самодостаточен. Все в нем было на своем месте, ничего лишнего.

А что тяжелый он, так это даже в плюс. В час «пик» в метро это был очень убедительный аргумент против излишне резвых бегунов. Несется на тебя такой вот резвый, все снося на своем пути... И никто и ничто ему не помеха — он спешит! А как с окованным углом «кюлленберга» коленом повстречается... Дальше уже не торопясь идет... точнее — ковыляет. Чемодану же — хоть бы хны! А поскольку машиной я так и не обзавелся, в метро с ним ездить приходилось частенько.

Так, что мы имеем?

Имеем мы подорванный автомобиль. Стекла рассыпаны вокруг, стало быть, взрыв произошел внутри. Где же? Борта целы, пробойн нет, гранатомет отпадает. А если по стеклу влупили? Нет, не похоже... Да и очевидцы говорят про внутренний взрыв.

Погодим, посмотрим... А что у нас внизу?

Ага!

Старый, но верный прием — «сто лет граненому стакану». Лепят его, родимого, на клей. Или на замазку. Да хоть на жвачку! Лишь бы держался. А внутрь запихивается расчекованная граната. Можно и наоборот, гранату подвесить, а стакан на нее надеть, чтобы чеку держал. И в том, и в другом случаях эффект одинаковый. Стакан ли с гранаты соскочит на ухабе, граната ли из него выпадет и на веревочке повиснет. Жахнет — мало не будет! Никому...

Так здесь и произошло.

Граната рванула аккуратно между сиденьями. Пол треснул, и взрывная волна вынесла наружу все стекла.

На передних местах лежали тела водителя и охранника. На заднем сиденье развалился «Седой». Многократно судимый и сидевший авторитет, он был хорошо известен всем нам. Крепкой рукой он держал многочисленных «беспредельщиков». Не давая им особо шуметь поблизости от своих «владений». Да... не позавидую я Вяльцеву... Тут скоро такое Чикаго начнется... только успевай труповозки заказывать. Ну да ладно, это его «земля», ему тут и воевать. Так, что мы имеем? Двери... заклинило, или замки закрыты? А не один ли хрен? А высоко джип задран, плохо мне видеть, что там внутри... На подножку встанем... Оп-па!

Соскочив на землю, я махнул рукой Вяльцеву. Тот подбежал и вопросительно на меня посмотрел.

— Ты в салон заглядывал?

— Ну!

— Внимательно смотрел?

— Да нет... так, подошел и метров с трех поглядел... А что?
— А ты повнимательнее посмотри. Не торопясь. Нам теперь спешить некуда.

Озадаченный Вовка приподнялся и заглянул в салон.

— Ну, ни фиги ж себе...

— Во-во! И я про то же самое.

Салон был засыпан деньгами. Разбросанные взрывом новенькие долларовые купюры лежали повсюду. На полу, на телах, на ковриках и сиденьях.

— И что ты теперь предлагаешь делать?

— Ну... — Вяльцев озадаченно почесал затылок. — Даже и не знаю...

— Так что, друг Вова, извини, но в машину я не полезу. Во всяком случае, один. И до приезда руководства туда даже и не загляну.

— Да ладно тебе! Что я, в самом деле, на тебя подумаю, что ты мог что-то оттуда взять?

— Ты, может, и не подумаешь. Забыл, кто у нас сегодня ответственный по округу?

Кислое выражение его лица показало мне, что это он прекрасно помнит.

— Так вот, стоит кому угодно из нас туда засунуть хоть палец... и с нас будут вычитать эту сумму до конца жизни.

— Какую сумму?

— Недостачи.

— Какая, на фиг, недостача! Это ж бандит лежит!

— Да? Ты его уже осудил? И приговор на руках? Мало тебе примеров из недавнего прошлого?

Вяльцев засопел. В прошлом году задержанный с оружием бандюган накатал заяву на задержавших его оперов. Мол, сняли у него с руки часы и отобрали деньги. Прискакавшие мгновенно ребята из отдела по борьбе с личным составом нашли у одного из оперов двести долларов. И хотя в заявлении указывалась цифра в десять тысяч, ничего им не помогло. Ребят с треском выперли из «органов». А через некоторое время закрыли дело и на бандюгана. Хоть ствол не вернули, и то хлеб. Эти ребята были как раз из Вовкиного подразделения.

Он еще раз заглянул в салон и напрягся.

— Саша! Посмотри!

— Чего там?

— Вон там, между сиденьями!

— Что там такое?

— Блокнот «Седого»!

Этот блокнот я даже как-то имел сомнительное счастье лицезреть. Приличных размеров книжица в кожаной обложке. В него покойный авторитет записывал все представлявшееся ему интересным. У оперов давно чесались на него руки.

— Саша! Я тебя коньяком вусмерть упою! Достань его!

— Сам доставай.

— Ну... пожалуйста!

Я приподнялся на носках. Где там этот блокнот? Ага...

— Так. Дверь я открывать не буду. Да и не выйдет, замки заблокированы или заклинило. Сделаем так. Блокнот выбросило на улицу взрывом. Усек?

— Да!

— Твои ребята подтвердят, что я в машину не залезал и дверей не открывал? Только снаружи обошел и визуально осмотрел на предмет наличия взрывоопасных предметов.

— Спрашиваешь! — даже обиделся он.

— У меня, Вова, задница одна! Значит, так. Дуй к нашему автобусу и тащи сюда сумку с вещдоками. Там должен быть ломик, иначе я до этого блокнота через окно не дотянусь.

Через пять минут он бегом притащил мне сумку.

Так, ломик в руки, привстаем... тянемся... хренушки! Блокнот гладкий, ломиком его не зацепить. Да и дотянуться до него... тоже не сахар.

Назад ломик. Что делать? Взгляд упал на полусамодельный тесак. А что? Кончик у него вполне себе острый, если на него низать книжицу... Может и сойти. Особенно если встану повыше. Повыше? «Кюлленберг»! Он прочный, выдержит.

Сказано — сделано. Чемодан к двери, встаем. Хрустит, но держит. Ничего, чай не впервой... выдержит. Рукава шинели подвернуть, тесак в правую руку. Левой опираемся на дверь. Места для замаха мало, надо его с первого удара наколоть. Отлетит потом под сиденье, и все — кончились поиски. Замах!

Лежавший на правом переднем сиденье охранник «Седого» открыл глаза...

Должно быть, возвращение с того света было для него весьма неприятным. Увидеть перед собой мента в шинели, заносащего над ним приличных размеров клинок... И не всякий здоровый-то человек такое выдержит. А уж контуженый полупокойник и подавно.

Взвизгнув что-то нечленораздельное, он выхватил пистолет и выстрелил. В последний момент я успел прикрыться клинком. Пуля звякнула по лезвию и вылетела в открытое окно. Мою руку